

Григорий Барац

Леон

Его можно было узнать издалека. Высокий, сухопарый, со спадающей к плечам седой шевелюрой. Он назначил мне встречу недалеко от места, где жил, – на площади Царей Израиля. Три года назад она стала называться именем убитого на этой площади премьер-министра страны Ицхака Рабина. Но Леон, проживший в Тель-Авиве много лет, не мог или не хотел перестроиться.

– Некогда уже привычки менять, – заключал он, посмеиваясь над своим возрастом, – важнее сохранить не только в кошельке, но и в душе то, что имеешь.

Леон ждал меня, с нетерпением перетаптываясь у пустующей скамейки под разлапистым низкорослым деревом. Белые шорты, футболка и кроссовки Nike дополнял ладный рюкзачок. На голове кипа, вязанная из светлых шерстяных нитей.

– Четыре минуты с тебя, – поздоровался он, – только красивым женщинам можно простить опоздание. Пойдем, нам по-хорошему час шагать, а с разговорами да с передышкой – все полтора.

Вынырнув из-под кроны, Леон двинулся не оглядываясь. Я засеменял, едва поспевая за ним. Его шаг был почти вдвое длиннее моего. Да и одет я был вовсе не для прогулки. Накануне, договариваясь о переговорах в его офисе, Леон спросил, осилю ли я пешком дорогу в Яффо. Мне, сорокапятилетнему крепышу, странно было слышать такой вопрос от человека, которому под восемьдесят. Показалось в шутку, оказалось всерьез.

– Если по прямой, через Кинг-Джордж, – сократим себе дорогу, – обернувшись после стартового рывка, объяснил Леон. И тут же сам себе возразил: – Сделаем-ка лучше ход конем – через Фриш-

ман выйдем на Шломо-Лахат и зашагаем вдоль моря по набережной. Тем более есть о чем поговорить.

– По прямой, наверное, быстрее? – обратился я скорее не с вопросом, а с просьбой.

– Не уподобляйся недалекому большинству, – парировал Леон. – На этой прямой больше полусотни перекрестков со светофорами. Самая лучшая дорога – проверенная дорога, которую знаешь.

Утреннее светило ловко катилось по крышам невысоких домов улицы, ведущей к морю. Мы перешли на теневую сторону. Но как только вышли на набережную, почувствовали коварные язычки лучей восходящего израильского солнца. Я едва поспевал за Леоном. На его шаг мне приходилось делать два. Римский профиль его загорелого лица плыл на фоне безветренного моря.

– Тихая вода берега моет, – сказал он, обернувшись на тонкие полоски пены, накатывающие на песчаный берег. – Завтра будет ветер, завтра будет шторм.

Сказано это было так убедительно, с такой уверенностью, что только мое неистребимое любопытство позволило задать некорректный вопрос:

– Как ты это определил? На небе ни тучки. Море почти как лужа.

– С мое проживешь – внутренний барометр наживешь, – срифмовал, улыбаясь, Леон и, сбавив шаг, добавил: – Ты лучше расскажи о себе.

Видимо, от удивления мое лицо перекосило так, что Леон расхохотался. Смеялся он тихо и беззлобно. Так умеют смеяться только добрые интеллигентные люди – снисходительно и доброжелательно. Так, чтобы не обидеть, а напротив – снять неловкость. Этому не научишь. Такое отношение формируется поколениями: смехом матери, отца, дедов, прадедов, прапрадедов и так до седьмого колена.

– Во-первых, я эгоист, – лукаво поглядывая, продолжил Леон, – с каждым новым знакомством рождаюсь заново. А когда моими устами младенца заглаголит истина, узнаешь, что во-вторых.

Морщинки веером рассыпались по его вискам. Из щелок глаз проглядывало голубоглазое детское озорство. Глядя на него, невозможно было не рассмеяться. Я «поплыл и раскололся», смеясь над собственной неловкостью.

– Это неправда, что смеется тот, кто смеется последним, – сохраняя легкую улыбку, заключил Леон. – Если отношения начинаются со смеха, они обречены на успех. Начинай, рассказывай.

– Леон, зачем тебе это нужно? – продолжал недоумевать я. – Мы ведь собираемся заключить деловой договор, а не породниться. По бухгалтерии ты меня пробил. В деле проверил. Почти партнерствуем. Сам убедился – все по чесноку. Так какое значение имеет, где я родился, учился, женился?

– О! Это уже слова не мальчика, но мужа, – не без иронии похвалил Леон. – Давай передохнем пару минут, а заодно и объяснимся, кто кому и кем приходится.

Гранитная скамья с высокой спинкой еще хранила ночную прохладу. Леон говорил, внимательно глядя на меня, и следил за моей реакцией.

– Доверие – великий двигатель развития и прогресса. Стоит по значимости в одном ряду с любовью, сексом и ленью. Без доверия даже детей не зачинают. Разве что случайно, – он хохотнул, – о чем потом сожалеют. Стопроцентное доверие может быть только к самому себе. И то оно, бывает, подводит. У каждого уважающего себя человека должна оставаться толика девственного пространства, в котором никого, кроме него самого, даже самых близких нет. Тебе понятно? – пристально поглядев мне в глаза, поинтересовался Леон.

– Пока меньше половины, – признался я.

– Правильный ответ, – заплодировал Леон. – Засчитывается. Потому что меньше половины и сказано. А теперь ответь – кому ты больше доверяешь: маме или самому близкому другу.

– Не знаю. Наверное, с семьей я откровеннее, но смотря в чем.

– Не уклоняйся, будь честнее с самим собой. С кем советуешься, прежде чем принять решения, которые могут изменить жизнь? Тот, – вместо меня ответил Леон, глядя, как я развожу руками. И тут же добавил: – Это еще и потому, что доверие сына к маме и мамы к сыну – это данность, подарок ей и ему ко дню рождения. Маме и тебе остается лишь использовать заранее обусловленные возможности, чтобы не утратить доверие. Правда, должен оговориться, есть уроды, способные уничтожить его. Но это исключение из правила, которое подтверждает справедливость самого правила. Согласен?

– В принципе, да, – не сдавался я. – Но есть друзья, которых я знаю столько, сколько помню себя. Росли в одном дворе, в детском саду – в одной группе, в школе – в одном классе. Разве доверие другу не данность, дарованная провидением?!

– Не путай божий дар с яичницей. Материнский дар – это изначально свыше данная способность творить чудо: родить и выкормить человека. Умение приготовить яичницу не включено в геном человека. Даже этакой малости необходимо учиться. Доверие друг к другу, духовное сближение – это долгий и трудный процесс обучения души. Причем обоюдный. Результатом становится одна из самых высоких степеней доверия, когда совпадают или очень близки оценки событий, ситуаций и людей, когда нужда в дружеской помощи не требует объяснения причин.

– Так что – человек человеку друг, товарищ и брат или человек человеку волк? – съехидничал я.

– Вижу, ты устал отдыхать, если провоцируешь меня, – сказал, вставая и сбрасывая рюкзак, Леон. – Давай-ка разомнемся.

Его долговязая сухопарая фигура, казалось, переломится, когда он, сгибаясь, пытался достать кончиками пальцев носки кроссовок.

Тени высоток, охраняющих город от злых средиземноморских ветров, протянулись через песчаный пляж к морю. По мокрому песку у самой кромки воды сновали, как заведенные, фигурки людей.

– Не могу уже так, – кивнув в сторону физкультурников, пожаловался Леон. – Просыпаю. Прежде засыпал на час позже, а вставал на час раньше. Мои сутки прежде состояли из двадцати шести часов. Шесть для сна, двадцать для дела. Так на чем мы остановились? Ах да – на скамейке. Каламбур. Вот и рюкзачок мой. Пойдем не торопясь, но поторапливаясь. Время есть, чтобы наговориться всласть.

Какое-то время мы шагали молча по узорам выложенному помосту. С одной его стороны уходили ввысь пятизвездочные отели известных мировых брендов, с другой по песчаному пляжу вереницей тянулись друг за другом прибрежные ресторанчики, кафешки и пабы.

– Сколько стоит твое время? – неожиданным вопросом Леон прервал паузу в разговоре.

– Это ты к чему? Да и как это считаешь?

– Я все о том же – о степени доверия под названием дружба. Чтобы сохранить ее на достойном уровне, требуется не только энергия души, но и время. Не зря говорят: чтобы узнать человека, нужно съесть с ним пуд соли. Ученые мужи утверждают, что в среднем человек съедает десять грамм соли в день, вдвоем значит двадцать. Не нужно быть математиком, чтобы посчитать, что на это уйдет больше двух лет. А в результате может оказаться, что не с тем соль ел. Как сказал классик: «Время, которое у нас есть, – это деньги, которых у нас нет». Время нужно считать в деньгах. В деньгах, которые находишь, или в деньгах, которые теряешь.

Определить, говорит Леон всерьез, подначивает или, провоцируя возражения, заводит, я не мог. Тем более что тональность его речи варьировалась в достаточно большом диапазоне. От драматического тенора он плавно переходил к баритону и заканчивал предложение басом. Если фраза была вопросительной, он возвращался к высоким нотам лирического тенора.

– Скажи мне, кто твоя родня, друзья, приятели, партнеры, и я скажу, кто ты, – фальцетом произнес Леон. – Чем дорожишь, что ценишь?

Отмалчиваться стало неудобно. Но и рассказывать о семье человеку, с которым не так давно знаком, тоже было неловко.

– У кого что болит – тот о том и говорит, – сказал я, продолжая смешливую тональность Леона. – Я о друге, которого любил, которому доверял, как самому себе, но потерял вскоре, как стали партнерами.

– Банальная ситуация, – посочувствовал Леон. – Бывает иначе, но реже.

– Мы открыли кооператив, – продолжил я жалобную историю, – как только в нашем царстве-государстве появилась такая возможность. Производство – за мной, за другом – реализация. Стали неплохо зарабатывать. Ни конфликтов, ни ссор, даже размолвок не было. На самом взлете кооператива друг-партнер потребовал раздела и причитающейся ему доли. Объяснил странной для меня причиной. Мол, два лидера не могут быть в одной упряжке.

– Ты, конечно, растаял от эдакой похвалы. Он ведь тебя лидером назвал. Упрашивать не стал. Отдал ему кучу денег за еще

не проданный товар. Долго возвращал долги поставщикам и в убыток распродавал остатки.

– Так оно и было.

– Остановись!

Леон крепко взял меня за плечи и повернул к себе. Южный средиземноморский ветер облизывал его вытянутое скуластое лицо, обрамленное белой пеной волос. Сократовский лоб, словно нотный стан, внезапно покрылся тонкими параллельными линиями морщин. Глаза, обращенные к морю, вспыхнули голубым неоновым огнем. Голос Нота – бога южного ветра, носителя гроз позднего лета – зазвучал надо мной.

– Так будет впредь, если ты не научишься защищать свои интересы и отличать друга от партнера.

– Это и так понятно, – оправдывался я. – Но от лома нет приема. Предательство – всегда неожиданный удар в спину. Причем от тех, кому больше всех доверяешь.

– Ты не пробовал взять ответственность на себя? – повысил голос Леон. – Может быть, это ты не знал сущности человека и передоверился ему. Возможно, это тебе не хватило терпения, деликатности и настойчивости докопаться до его души, понять, чем он дышит. Не пожимай плечами. Так оно и было, – выпалил он на одном дыхании. И, призывно махнув рукой, предложил тоном, не предполагающим возражений: – Дальше пойдем по воде босиком. Пока солнце светит, но не греет.

Не дожидаясь согласия, он спустился по лесенке к пляжу, жестами увлекая меня за собой. Его манера быть ведущим несколько раздражала меня, но не давала возможности противиться. Вслед за ним я потопал к белым куполообразным тентам у кромки воды. Так же, как он, разулся, подкатал до колена штанины и зашагал рядом по мокрому песку.

– Своя рубашка ближе к телу. Так, что ли? – спросил я, продолжая разговор. – Лучшая защита – нападение?

Леон остановился. Его медальный, бронзовый от загара профиль застыл на фоне морской голубизны, как на картинах Леонардо да Винчи.

– Сентенция сия стара, как мир! Потому и относится к морали старого мира, – изрек Леон, не поворачивая ко мне лица.

И, не ожидая моего недоумения, продолжил: – Понимание и соблюдение интересов друзей, партнеров, коллег и даже контрагентов – залог сохранности собственных интересов.

– Леон, ты уверен, что все будут блюсти мои интересы, как я их?

– Это не правило. Бывает, что годами выстроенная крепость рушится. Причем на любом этаже, на любом этапе. Достаточно не соблюсти равновесие, не соблюсти баланс. Баланс интересов и доверия. Такой обвал взаимоотношений – катастрофа, причем для обеих сторон. Одна теряет веру в людей, то есть бога в душе, во вторую вселяется дьявол, съедающий душу.

– Так значит, это игра, то есть жизнь без правил? Старайся, не старайся – как повезет. Так не бывает, чтобы не споткнуться на длинном, шатком и очень чувствительном, как подвесная лестница, встречном пути взаимодействия.

– Начинаешь понимать, а всего-то полдороги прошли, – голос Леона вновь потеплел, подтаяли глубокие морщины в уголках рта. Он вновь повернул ко мне могучую голову стареющего, но все еще могучего льва и, улыбаясь, заключил: – Правила, даже если их называют заповедями, придумывают, исполняют и нарушают люди. А законы даны свыше. Называй эту данность как хочешь – богом или природой, но даже попытка их нарушения приводит к необратимым последствиям. И, прежде всего, в душах.

Пена прибоя мерно и ритмично накатывала на берег, так же, как миллионы лет назад. Стелющаяся под ноги волна ласкала наши ступни и стирала следы. Рядом со мной шагал библейский мудрец. Казалось, его слова долетали из того времени, когда звуки материализовались в скрижали, когда буквы могли воспарить и растаять от малейшего к ним пренебрежения. Следить за мыслью Леона было так же интересно, как и за его неожиданными движениями. Он внезапно останавливался, замирал и вдыхал раздувающимися ноздрями йодистый запах моря. Непредсказуемо улыбался, открывая у глаз веер веселых морщин, и произносил фразы, достойные быть отлитыми из благородного металла.

– Бог не движет ни руками, ни ногами, ни даже головой человека.

– Но к нему же обращаются за помощью, защитой и содействием, – попытался я зацепить Леона.

– Потому и обращаются, что пытаются переложить ответственность. Заповеди – это лишь проект закона о свободе выбора, о свободе принятия решений. Подписывать – пустое дело. Блюсти или отступить от него – каждый решает сам. Причем осознавая, что делает. Ведь это очень просто. Так же, как отличить белое от черного. Вера – это мировоззрение, а мировоззрение – это «что такое хорошо и что такое плохо».

– Но для разных людей «хорошо» и «плохо» разнится, – попытался я найти брешь в рассуждениях Леона. – То, что одному хорошо, другому плохо.

– Верно, верно. Ты сам не замечаешь, что не возражаешь, а подтверждаешь мое определение. Это люди разные, а «хорошо» и «плохо» всегда и везде отличаются, как день и ночь, как сладкое и соленое, как горячее и холодное. Правда, бывают исключения – жарко, когда холодно.

– Ну это ты хватил, – запротестовал я. – Так не бывает.

По пристальному потускневшему взгляду Леона я почувствовал, что ляпнул несурезицу или попал в больное место. Он резко отвернулся и нырнул в тень, постепенно отползающую от кромки воды. Пылающая краюха только что испеченной солнечной буханки кокетливо выглянула из-за высоток.

– Бывает, – отрывисто, не глядя на меня, произнес Леон, усаживаясь на скамейку под пляжным грибком. – Обувайся, – так же сухо предложил он, передавая мне свой рюкзачок, в котором оказалась бутылка воды и полотенце.

Пока я возился, надевая и зашнуровывая кроссовки, он молчал, глядя в никуда.

– Ты знаешь что такое трескучий мороз? – спросил он, вставая. – Лучше тебе не знать. – Это когда бревна трещат, смерзаясь, и стволы деревьев лопаются с выстрелом.

– Леон, вокруг одни пальмы и солнце. Какой мороз? Тебе приснилось?

– Такой мороз, что снится мне до сих пор, и до сих пор холодно во сне. Тайгинский отдельный лагерный пункт № 2 Управления НКВД по Новосибирской области, – отчеканил Леон. – С сорокового по сорок четвертый год пришлось топориком помахать. Не помашешь – замерзнешь на тридцатиградусном морозе.

– Тебя как туда занесло?

– Не занесло, а завезли. В товарняке. Несколько месяцев из Вильно в Новосибирск. Когда в Вильно вошли советские войска, мне исполнилось двадцать два года. Арестовали в тот же день в редакции «Вильнер радио», где работал корреспондентом. Говорил и читал на идише, немецком, английском, польском, литовском, русском. Декламировал свои стихи в литературном салоне «Юнг Вильне». Трое суток побоев, без еды, воды и сна. Признал себя агентом советской разведки.

Говорил Леон быстро, отрывисто. Между предложениями делал короткие паузы, не то переживая, не то вспоминая прошедшее. Когда молчал, желваки перекатывались под его сухой, как пергамент, кожей.

– Лето сорок четвертого. Эзкам объявили о призыве в польскую армию, – продолжил он телеграфными фразами. – Поднял руку первым. Надеюсь – сбежать будет легче. Не тут-то было. Рядовой в штрафной роте. Варшава, Прага, штурм Кольберга. Сколько людей рядом полегло! Надо мной бог руку держал. До апреля сорок пятого ни разу не задело. Только мелкими осколками спину посеколо. Под Берлином пуля пробила ногу навывлет. Попал в плен. Выручило знание языков. Прикинулся поляком. Немцам было не до разбирательств. В Заксенхаузене пробыл несколько дней. В первых числах мая русские освободили колонну заключенных, которую вели из лагеря на расстрел. В этой колонне был и я.

Леон замолчал. Закрыв глаза. Веки его подрагивали. Он натужно дышал и облизывал пересохшие губы.

– Оглушенный скорострельной речью, я с трудом успевал осмыслить ее содержание. Каждое предложение выражало событие длиною в дни, месяцы, а то и годы. Каждое слово кровоточило, как незаживающая рана. Ходуном ходил его острый кадык.

– Зачем ты мне все это рассказываешь? – заглядывая в глаза Леону, спросил я. – Ты ведь заново переживаешь все, о чем говоришь.

– Чтобы не забывать, что такое хорошо и что такое плохо, – с грустной усмешкой ответил Леон. Он отдышался, глотнул воды, встал и пошел, ничуть не сомневаясь, что я не отстану. – Не знаю, интересно ли тебе, но я должен все рассказать, – продолжил Леон,

как только я с ним поравнялся. – Несколько недель в пересыльном советском лагере. Полтора месяца дороги в том же товарняке в те же сибирские края. Как и всех советских военнопленных, меня интернировали. До пятьдесят третьего года отопительным прибором снова был топор.

На лесоповале в лагерном пункте Томско-Тимирязевского спецлеспромхоза я сдружился с японцем Акирой Матуситой и американцем Айзеком Хендерсоном. Они до сих пор мои друзья. Их мерками жизнь измеряю, людей оцениваю. Друзья-компаньоны, прошедшие испытание на доверие деньгами и временем. И пониманием, что такое хорошо и что такое плохо.

В начале шестидесятых в Японии появились радиотранзисторы. В Германии, куда я эмигрировал, они стоили дорого. Акира покупал запчасти транзисторов и отправлял их в Штаты. Айзек организовал сборку и отправлял ко мне, в Германию. Я продавал. Прибыль делилась поровну. Говорят, «friend in need is friend indeed». Думаю эта поговорка не вполне верна. Мои друзья давно ждут меня там. Но семьи их по-прежнему получают дивиденды. Это основное условие совместных деловых и дружеских отношений. Намек понял?! Так значит, это и есть во-вторых!

Леон беззвучно смеялся, вопросительно глядя мне в глаза.

Мы пересекли пляж и вновь выбрались на пешеходную дорожку, вымощенную узорами из разноцветной плитки. Редкие высоченные пальмы не спасали от солнца, скатившегося с крыш. Леон зашагал быстрее. Его шаги напоминали циркуль землемера. Мои – бег трусцой. Идти пришлось довольно долго. Майка на спине Леона взмокла. Я пыхтел за его спиной. У старого железнодорожного вокзала, которому нашлось как нельзя лучшее приращение в виде размещения ресторанов и баров, мы передохнули и выпили по бутылочке минералки.

– Это хорошо, – похлопал меня по плечу Леон.

– Что хорошо? – удивился я.

– Хорошо, что ты не ждал, когда я вытащу кошелек, – хитро улыбнулся Леон. – Значит, не любишь быть должным. Проверочка засчитывается. Ну, двинули дальше. Не люблю опаздывать.

На циферблате часовой башни стрелки приближались к восьми часам. К фонтану Кита мы дошли за несколько минут.

– Пророк Иона просидел в его чреве всего три дня, – указывая на пузатое чудовище, иронично пояснил Леон. – Христос пробыл в могиле трое суток. А я в офисе лет сорок. А вот и он.

Дверь нам открыла брюнетка лет сорока, слегка полноватая, в строгом «professional style» костюме из светло-серой льняной ткани. Укороченный приталенный жакет слегка скрывал полноту и подчеркивал изящную талию. пышная юбка длиной до колена не скрывала пухлые ножки с тонкой щиколоткой. В руках брюнетка держала вешалку со светлым мужским костюмом в прозрачном чехле.

– Знакомьтесь, – представил Леон, – мой компаньон и близкий друг Стефания. А этого, – он обернулся ко мне, – относительно молодого человека, кандидата в партнеры и друзья, фамильярно величают Эдгар, Эдик то есть.

Гладкие щеки Стефании слегка зарделись, она кокетливо заулыбалась. Не скрывая влюбленного взгляда, обращенного к Леону, передала ему костюм. Обернувшись ко мне, спросила:

– Вы тоже примете душ?

Я отказался:

– Неловко.

Было прохладно, работали кондиционеры.

За шумопоглощающими перегородками у компьютеров работали двое сотрудников.

– Их сейчас нельзя отвлекать, – прозвучал негромкий голос внезапно появившегося Леона. Он переоделся. Белая рубашка, бабочка, темно-синий габардиновый блейзер, стильные темно-серые штаны «палаццо» с выглаженными стрелками.

Уловив мой восхищенно-недоуменный взгляд, Леон усмехнулся обезоруживающей улыбкой:

– Не для тебя. Для себя надел. Так я себя больше уважаю, – засмеялся он. – Пойдем в кабинет.

Кабинетом оказалась квадратная аскетично обставленная комнатуха. Письменный стол, кресло для хозяина, стул для гостя, сейф и маленький холодильник.

– Ты прав, – начал Леон, усадив меня напротив, – я пробил тебя. С тобой можно иметь дело. Сомневаюсь не в тебе, а в непредсказуемой твоей стране Эсэсэрии.

– Что тебя смущает? – удивился я. – Вроде перестройка, гласность, кооперативы, частные предприятия. Почему в таком случае не работаешь с европейцами?

– Действительно, с ними надежней, – согласился Леон. – Но на западный рынок трудно пробиться. Все ниши заняты. Трудно расталкивать и конкурировать с агрессивной компетенцией.

– В стране, где рыночная экономика только открывает возможности, работать удобней и прибыльней, но опасней. Пугает непредсказуемость политики и бедность. Оттуда всегда исходит угроза войны.

Он встал и, улыбаясь, сказал:

– Мы рискнем с тобой. Должно получиться.

Он оказался прав во всем. Не ошибся в людях, умеющих делиться с нуждающимися. Не ошибся в своих опасениях насчет войн, начатых бедной и непредсказуемой страной.

А у нас получилось! Получилась дружба и партнерство, основанные на доверии.

«Friend in need is friend indeed». Друзья, которые нужны друг другу, – друзья до смерти.

